

Ф. 627

оп. 2

д. 69

Ремизов, Алексей Михайлович

"Семон" (к картины Гзрубеля) - его стихотворения

и переписанные его рукою стихотворения (4);

"Забывшие слова" Курочкиной, Александров;

"Бумажки, думачки - все передумано!..." - Карпинского, Власова;

"Надвигается с моря туман"... и "Медленные строки" Мейергольца;
Васильева Эмильевича.

л. л. $\frac{9}{6}$ (100 в.)
пр. 6

1901-1903, 22.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Демонъ

(по картине Врубеля)

Ночь болнчстою, Темною, душною гзурью мира коснулась,
лики земные дыханіемъ Тусклымъ покрывла.

Зданія сплщія, башни зорко-Толмщихся тюремъ, дворцовъ
и скитовъ безгрезною, блдною тишью завлзны.

Не услышатъ, не пронзятъ стукомъ сердца моего.

Оно бьется, оно рвется, оно стонетъ.

Не услышатъ...

Вз окобахъ заботъ люди застыли, въ кошмарахъ зады-
халсь нужды, нищеты.

И ржавое звяканье тьсныхъ молитвъ завистливыхъ
скорбно ползетъ дымою несчастнымъ по крышамъ.

А судьба могилы ужъ роетъ и люльки готовитъ
и золото свѣтъ и золото грабитъ.

Не услышатъ, не пронзятъ стукомъ сердца моего.

Оно бьется, оно рвется, оно стонетъ.

Не услышатъ...

Полночь прошла.

Изнемога въ предутреннемъ свѣтѣ, бремя усталю несутъ.

Мнѣ же, незримому здѣсь въ этотъ часъ, жутко и холодно,
жутко и холодно.

Оттого не могу въ молитвахъ родному и равному,
но изъ царства иного?

Царство мое — одиночество — одиночье, глубже.

Люди и дѣти и звѣри лишь проходятъ,

мило съ проклятьемъ и страхомъ.

Я въ волны бросилъ, въ волны разныя, земныя.

Ты лишь скажи, ты не забыла, ты сохранила
образъ мой странный и зовъ мой, зовъ въ поцелуя?

Да, сохранила, я знаю...

И ушелъ съ плачемъ глухимъ въ шлюпу сердце мое.

А мое разрывалось...

Такъ въ страсти, любви къ страсти, любви прикасалъ,
— я отравляю.

Даже и тутъ одинокъ: слышу тоску и изъясню и холода
въ радкихъ и долгихъ лобзаньяхъ.

А сердце мое разрывалось.

*

Алиъ ризы утреннихъ зорь загорались.

И черныя волны морей въ пурпурныхъ зрѣнкахъ затьнулись.

Устали прилегли вы, люди, къ седымъ пескамъ

чувствъ своихъ повседневныхъ,

ищете звонкихъ ключей въ камняхъ стальныхъ,

въ мезги, облекаетесь въ мутныя, блѣкловыя!

У меня есть пьсни!

Хоры пьсенъ истомленныхъ, лишныя я неси въ тайна, молча!

Ливнемъ звуковъ мѣръ кролю!

Слышите голоса мой — кильнѣ слѣзное?...

Затаились, молчите въ заботахъ, въ невзгодахъ.

Алиъ ризы утреннихъ зорь кровью озяли.

Царство мое — одиночество — еще углубилось,

словно Золото облачныхъ перьевъ крылатою бронью

заставило путь между мною и вами.

Так влажно, всю мою жизнь...

А кто-то живет, не жалея, надеясь и зрясь и на меня!

Так влажно, всю мою жизнь,
влажно желать безответными желаниями,
Скорбь, гладыш и тошнота.

Восторг и тоска!

Тоска безпросветная, горькая
и одинокая...

Александр Ремизов

Вологда, Желвунцовская д. №26

Алексию Михайловичу Ремизову.

- Я что-то забыла... я что-то забыла сказать, - повторила она растерянно, с выражением острого, безумного страдания в глазах, стоя передо мной, гелеваком, сидевшим на торцевой койке.

Она уцепилась за плечо, туло смотрела, как же она тоскала и болала себя пальцы, и молила.

- Господа, похитас прошло, пора прощаться, - небрежной скороговоркой произнес надзиратель.

- Я что-то забыла себя сказать... я что-то забыла...; криво повторила она с судорогой отчаяния в груди.

Она приподнялась и прищуренными мутилами от боли глазами смотрела на дорогу, изтерзанное мутой лицо.

- Я что-то забыла... еще раз добавила она совсем изувачивая голову.

- Ну что? Ну что? прошептала она, как шептуть больному ребенку, и положила руку ей на плечо.

И с новой силой, с новыми порывами ужаса она воскликнула:

- Да впрямь я что-то хотела сказать! Я забыла что... забыла! На что что-то сказать!

Она беспроталала и горчала.

Она горько-горько улыбнулась.

- Мой друг, таких много слов. Нет еще слов таких... не могу...

Они проступались.

За ней уже с грохотом захривелись железные двери, за ней безощадно звенели замки, а она все еще повторила шепотом:

- я что-то забыла сказать....

Через мгновенье она умерла.

Когда ей сообщили о смерти, она с искаженным лицом заключала, терла сознание:

- Я забыла слу что-то сказать!

Придя в себя, она снова пришла, напрягая память и содрогалась мысль существовать, искала слова, как же она хотела ска-

Зать ему тогда, казалось ей, что все отъ нихъ зависело, что самую смерть его она могла предотвратитьъ этими забытыми словами.

Она жила въ бреду, ничего не понимая, все думая объ одномъ.

Мой другъ, такихъ пять словъ - всплывала къ ней.

Затѣмъ она такъ сказала: "Они должны быть! Безъ нихъ дальше жить нельзя! Они должны быть... она найдеть ихъ... Она не будетъ плакать.... никто пусть не плачетъ... жалоба не нужно..."

Она найдеть слова, такихъ друзей, такихъ сильныхъ, такихъ властныхъ, что передъ ними падуть все цари и презрады, что въ нихъ со-
дѣются стѣны всякъ отторгнутыхъ отъ жизни, что или возродятся
все свѣтлыя порывы человека, смѣлныя, порывающыя и
оскоропелныя!!.....

Ее отвезли въ кельяницу для душевно-больныхъ

Александра Курицина

1902

Великий Новгород

Думано, думано — все передумано!
 Хотя никаких уже больше мыслей.....
 Дни безконечные гнутся, гнутся.....
 Хотя конца вереница ногей.

Пути ли хмурые по небу несутся,
 Солнышко ль каску горластую шлеп —
 Та же нора полутемная, тусная
 Давить на сердце и мысли гнетель

Трижды провозвонил молганьем трагическим
 Сдавлены силы живые во мне,
 Сердце энз острившее вращать тоскливое
 Вою осеннего ветра во окно.

И беззащитных страсти горьких
 Скованы ходоком стая энз давно,
 И безмокрой крыль разбитых
 Мысли безпомощно бьются во окно....

Вячеслав В. Карпинский. (Ступень)

1902

осень.

Т.

(Харьков)

Н. Ф. Ш.
 Не ~~забыл~~айте дикие
 Знайте шутки не было!

Надвигается со моря туман...
 Дует ветер... Погухи огни...
 Город спит. И не спит лишь лютань,
 Там толпы народа, снаряжая ладьи.

Одинокому болено и скучно:
 Работе ветры и ласка далека.
 Одинокому мрачно и душна:
 Болено жить. О, какая боль велика!

Всеволода Мейерхофера

1901

Весна
 по пути в Кензу.

Медленные строки

(посвящ. Н. Ф. М.)

Темная ночь.... Огоньки надъ дорогой....
 Вилысты - не вилысты, какъ прежде, они:
 Каждая мысль его кажется ей такъ убогой,
 Какъ убоги - безвильсты, безсилыны - огни,
 Что томится на небе безлунномъ.
 Кто-то холодно молвила: „какъ дико... не ново....
 Там-то плеснь прозвучала... Ни слова.

Страшная ночь. Она ушла навсегда,
 Полной любви и безумства волненія
 А она.... будетъ ночь, величинаго иногда,
 Чуть слышась его, поза мугентъ
 Какъ слышась дружилъ, не льбы никогда.
 Там-то плеснь прозвучала... Заглым?
 Не она ли сказала: „Крошайте!“

Всеголовъ Мейерголова (Врѣмя)

душныя, знойные дни.

Лето

1901.

(Лента)

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Павлу Елисеевичу

Щеголеву

А. Раммел
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН